

голь и молчить. «Мы туда пойдём?» — опять вопрошает казакъ. «Пойдёмъ,» немного подумавъ, отвѣчаетъ монголь. «Какъ пойдёмъ,» снова спрашиваетъ казакъ, «по западную или по восточную сторону?» Монголь опять задумывается, еще разъ переспрашиваетъ и наконецъ говорить, да и то не всегда толкомъ, куда будетъ лежать путь. Во время всей этой процедуры оба «нохора,» т. е. монголь и казакъ, стоятъ на мѣстѣ, такъ какъ при ѣздѣ монголь обыкновенно не можетъ сообразить столь мудреные вопросы и отвѣты.

Кстати слѣдуетъ замѣтить, что съ проводниками, равно какъ и съ остальными туземцами, необходимо обращаться съ извѣстнымъ тактомъ и со строгостію. Какъ ни печально, но, по многолѣтнему опыту, могу увѣрить, что только страхъ передъ силою регулируетъ нравственные мотивы большей части азіатцевъ, по крайней мѣрѣ относительно европейцевъ. Исключенія очень и очень рѣдки, да и то лишь единичныя. Путешественнику же невозможно заботиться объ улучшеніи нравственности тѣхъ личностей, съ которыми ему приходится сталкиваться — тогда некогда будетъ и путешествовать. Практика обстановки неминуемо возьметъ свое. Излишняя мягкость относительно туземцевъ сейчасъ же будетъ безсовѣстно ими эксплуатирована; тогда какъ строгое, но, конечно, справедливое, обращеніе, притомъ съ рѣшимостію постоять за себя, всегда заставитъ азіатцевъ смотрѣть съ уваженіемъ и боязнію на такого путешественника.

Прогнавъ вожака-монгола, мы спросили у китайцевъ про дальнѣйшій путь и, спустя немного, вышли на колесную дорогу, которая ведетъ изъ Гучена въ Баркуль. Слѣдуя по ней, мы и безъ проводника не могли заблудиться. Впрочемъ, это была только боковая вѣтвь главной дороги, направляющейся вдоль всего сѣвернаго подножія Тянь-шаня. Снѣга послѣдняго совершенно ясно виднѣлись вправо отъ насъ. Съ каждымъ днемъ мы понемногу къ нимъ приближались. Мѣстность же, по которой мы теперь шли, была попрежнему усыпана мелкими горами; только горы эти сдѣлались бесплоднѣе и вода въ нихъ стала рѣдкостію. Наконецъ, 18 мая, караванъ нашъ вышелъ въ обширную равнину и расположился бивуакомъ, близъ китайской деревни *Сянтю-хауза*, въ 20 верстахъ отъ города Баркуля.

Выходъ въ
Баркульскую
равнину.

